

И. О. Дементьев

**ПОСЛЕ «КОЛЛАПСА ИМПЕРИИ»:
АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 1990-х ГОДОВ О ПАРАЛЛЕЛЯХ
В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XX ВЕКЕ**

Рассматриваются параллели между литовскими движениями к национальной независимости 1917–1920 и 1988–1991 гг., проанализированные в англо-американской историографии первой половины 1990-х гг. Охарактеризованы основные сходства и отличия движений начала и конца XX в., выделенные А. Ливеном и другими авторами. Показано, что исследователи констатировали неоднозначность советского опыта и внутренние противоречия литовской политической элиты, продемонстрировали продуктивность компаративистского подхода.

This article explores the parallels between the Lithuanian movements for national independence in 1917–1920 and 1988–1991 as analyzed in the Anglo-American historiography of the first half of the 1990s. Such scholars as A. Lieven and other authors characterize some main similarities and differences between those movements. These scholars emphasize the ambiguity of the Soviet experience, as well as the internal conflicts within the Lithuanian political elite and demonstrate the productivity of the comparative approach.

Ключевые слова: Литва, англо-американская историография, литовские национальные движения.

Key words: Lithuania, British-American historiography, Lithuanian national movements.

История Литвы как страны, дважды обретавшей суверенитет в XX в., стимулирует обращение к компаративистике. В изучении проблем литовской истории XX в. компаративный анализ, не ограниченный сугубо национальной проблематикой, применяется достаточно давно. Так, Тадас Климас в 1993 г. сопоставил восстановление государственности в Литве в конце XX в. и достижение независимости США двумя столетиями ранее. В обеих странах до принятия конституций действовали временные основные законы, движение началось вне государственных структур, молодым государствам пришлось противостоять мировым державам. Но наблюдались, по Т. Климасу, и существенные отличия: литовское движение было борьбой за языковое, этническое и культурное выживание; Литва воссоздавала структуры власти (тогда как в США они возникали *ab initio*) и т.п. [3]. Несомненный интерес вызывало сопоставление национальных движений, развернувшихся в начале и в конце XX в. в Литве¹.

Несмотря на то, что в 1990–2000-е гг. литовскими движениями за независимость занимались ученые в разных странах, англо-американская историография приобрела особый статус. После окончания холодной войны историки, работающие в англоязычном мире, претендуют на то, чтобы задавать стандарты современной исторической науки. Именно в первой половине 1990-х гг. их силами оформляется общее представление о том, что общего было между двумя периодами литовской независимости, а по каким параметрам они различались. Сравнение учитывало процессы, характерные для всех балтийских государств со сходной исторической судьбой. В первые годы после окончания холодной войны в западной науке легко могли восторжествовать схематичные и односторонние оценки противоречивого опыта стран Балтии. Удалось ли исследователям избежать подобных искушений?

Первые изыскания по новейшей истории Литвы, учитывавшие, очевидно, революционный характер перестроечных событий², как правило, ограничивались изложением фактов³. Пионерской стала работа

¹ Начало борьбы за независимость обычно датируется 1917 г. в первом случае (революция в России) и 1988 г. во втором (возникновение движения «Саюдис»). По датам окончания каждого периода консенсуса нет.

² Среди первых работ – магистерская диссертация Эйлин Эспириту, защищенная «по горячим следам» в Канаде в 1992 г., называлась «Литва: от мобилизации к революции, 1988–90» («...я доказываю, что достижение независимости – это революция», – пишет исследовательница [2, р. 2]). Изложение событий 1917–1918 гг. не опиралось на сопоставление двух периодов [ibid., р. 50–51].

³ Такова, например, монография Альфреда Эриха Сенна (Эрикаса Сенаса) «Пробуждающаяся Литва» (1990), в которой проводилась параллель между двоевластием в Петрограде в 1917 г. и сосуществованием «Саюдиса» и официальных властей в 1988 г. [7, р. 136]. Остальные отсылки к событиям 1917–1918 гг. не вызывали ассоциаций между историей и современностью (см.: [ibid., р. 147–148, 190]).

молодого британского политолога и историка Анатоля Ливена, который осуществил сравнительный анализ двух литовских движений. Первое издание его книги, посвященной бурным переменам в странах Балтии, вышло в 1993 г. Эта работа основывается не только на широком круге источников, но также на личном опыте участия автора в событиях начала 1990-х гг.

Ливен констатирует, что первый период литовской борьбы за независимость (1917–1920 гг.) подвергся интенсивной мифологизации: «...для литовцев... мифологизированная история заняла место национального мифа... Имея дело с литовскими политиками-националистами, я постоянно убеждался, что они действовали в настоящем времени лишь отчасти; в основе их поведения лежало видение того, как их действия будут выглядеть в карнавале литовской истории, начиная от Великого княжества Литовского и простираясь до будущих учебников истории» [4, р. 54]. События 1990–1991 гг. подкрепляли претензии этих политиков на «возвышенную национальную легитимность». Они ориентировались на аналогичные примеры из европейской истории (Черчилль или Шарль де Голль), хотя в современной Европе уже подобные фигуры не встречались. В этом специфическом отношении к истории А. Ливен находит возможное объяснение распространенному среди балтийских политиков мнению о том, что Вторая мировая война для этого региона завершилась только в начале 1990-х — с достижением независимости [ibid., р. 54–55].

Так, рассуждает А. Ливен, история первого периода независимости формирует повестку дня — не только потому, что некоторые политики играли в героев своего детства, но также в силу отсутствия иной традиции, в рамках которой можно было бы моделировать политические структуры. Вот почему понимание особенностей этого периода важно для адекватной интерпретации происходящего на сегодняшней политической сцене стран Балтии.

Повторение мифов первого периода независимости в ходе второго может приводить к недостаточно рациональным решениям, поэтому историку следует быть крайне осторожным в сравнениях [ibid., р. 55]. Кроме сходств есть и отличия: в первом случае борьба была вооруженной, во втором она проходила мирно [ibid., р. 319]. В 1917 г. националистические лидеры стран Балтии были первоначально настроены на автономию внутри демократической России (чтобы обеспечить защиту от Германии); лишь после прихода большевиков к власти эти лидеры настроились на независимость. Можно представить себе, пишет А. Ливен, что «буржуазное» правительство в России пережило Первую мировую войну: в пользу того, что ему удалось бы договориться с национальными элитами, говорит социальный и экономический прогресс в балтийских провинциях в последние десятилетия империи. «Напротив, националистические лидеры 1987–1991 гг. всегда видели образ полной независимости, которой наслаждались балтийские государства между 1918 и 1940 гг., и [осознавали] полную неспособность советского режима осуществить стабильный экономический прогресс» [ibid., р. 55].

В 1917–1920 гг. Литва отличалась от других стран Балтии специфическими конфликтами с Советской Россией и Польшей. Утрата

Вильнюса, оккупированного поляками, привела к ряду последствий. Во-первых, желание компенсировать эту потерю спровоцировало Литву захватить Мемель (Клайпеду). Во-вторых, перемещение временной столицы в Каунас, «меньший и менее космополитичный город», оформило «удручающие черты последующего литовского национализма» [ibid., p. 60]. Во время борьбы против советского режима националистическое движение «Каунасская фракция» развивало критику чрезмерного вильнюсского космополитизма и даже выступало за возврат столицы в Каунас.

Экономическое положение балтийских государств в начале каждого периода давало повод для сравнения, хотя постсоветская ситуация оказалась заметно хуже. Во время Первой мировой войны Литва пострадала от реквизиций имущества, краха банковской системы и вывоза промышленности в Россию. Однако персонал банков остался тогда в стране; многие хозяйствующие субъекты имели опыт организации производства по западным стандартам и работы по правилам капиталистической экономики, а также выход на европейские рынки. Постсоветская экономика этих преимуществ лишена, а рынки утрачены (если не считать возможностей балтийских диаспор на Западе). Вдобавок «десятилетия коммунистического влияния усилили определенные традиционные крестьянские опасения в отношении капитализма, особенно в Литве» [ibid., p. 62]; неудивительно, что именно в крестьянской среде в начале 1990-х гг. находили поддержку бывшие коммунисты (А. Бразаускас).

Параллели между двумя периодами выстраиваются и на уровне политического символизма. А. Ливен констатирует, что В. Ландсбергис, литовский лидер 1990–1992 гг., рассматривал себя как «политического наследника Сметоны» [ibid., p. 68], апеллировал к нему в речах, питал склонность к католическому символизму. Хотя Ландсбергиса можно описать как авторитарного политика, оговаривается А. Ливен, он все же не фашист. Исследователь подчеркивает, что при наличии общих черт между двумя лидерами нельзя забывать о важном различии. Сметона был способным администратором с многолетним опытом практической работы; Ландсбергис, по отзывам его же сотрудников, предстает совершенно равнодушным к вопросам управления, финансов и законодательства, предпочитая зарубежные визиты, «символизм и риторику, а также литовскую культуру, которую он так глубоко любит» [ibid., p. 68]. Исследователь видит в этом проявление черты, характерной для посткоммунистических стран: выдвигаются политики-интеллектуалы, которые при советском режиме были лишены какой-либо административной роли⁴. Поражение Ландсбергиса в политической борьбе в 1992 г. трактуется как его неспособность сыграть роль Сметоны — эффективного администратора, в котором, возможно, как раз и нуждалась постсоветская Литва.

Проницательность Ливена выдают рассуждения о специфике политического мышления современных литовских политиков. Крайне пра-

⁴ В отличие от горбачевского Советского Союза позднимперская Россия позволяла в значительно большей степени представителям национальной элиты получить управленческий опыт [ibid., p. 71].

вые автоматически рассматривают любого бывшего коммуниста как «агента Москвы» («в Литве, — иронизирует исследователь, — любой, кто оппонирует правым, получает подобный ярлык» [ibid., p. 73]). Такая картина мира восходит к догматическому ленинизму, который изучали в школе все совершеннолетние жители балтийских государств, включая политиков, усвоивших ленинское видение роли партии. После поражения «Саюдиса» в 1992 г. один из его руководителей заметил, что «неграмотные крестьяне были одурачены коммунистами»; другой поделился с А. Ливеном своими выводами: «Это показывает, что многие литовцы хотят быть рабами. Мы должны научить их менять этот менталитет». Исследователь резюмирует: «классические слова лениниста, которые помогают понять, почему подобные группы не очень успешны в борьбе за голоса "неграмотных крестьян"» [ibid., p. 74].

149

Другая проблема в организации нормального политического процесса связана со специфическим опытом Восточной Европы межвоенного периода, когда парламентские правительства зависели от пестрых коалиций демократических партий (в том числе представлявших интересы меньшинств). Новое наступление национализма практически устраняет представительство меньшинств в правительствах (в Латвии и Эстонии особую сложность составило исключение из гражданства большей части русскоязычного населения) [ibid., p. 74].

Аргументацию А. Ливена развивают другие исследователи. А.Э. Сенн (университет Висконсин-Мэдисон) в 1994 г. соотносит два периода в статье «Сравнительная обстановка литовской независимости 1918—1922 и 1988—1992». «Сам мир изменился между 1918 и 1922 гг., — отмечает историк, — история не повторяется, но повторяются проблемы и паттерны поведения» [8, p. 123]. Предметные поля, в которых осуществляется сравнение, совпадают с выделенными Ливеном: военная и дипломатическая ситуация, политико-культурный контекст, экономико-технологическое развитие. Сенн также начинает с очевидного отличия между вооруженной и мирной борьбой в начале и конце столетия.

К близким умозаключениям пришел историк Тойво Раун (Индианский университет) в докладе, подготовленном в 1994 г. Исследователь выделяет такие параметры для сопоставления: причины достижения независимости, ход этого процесса, вызовы. Радикальный вывод автора состоит в том, что, несмотря на значительные сходства между двумя периодами, изменившиеся к 1988—1994 гг. внутренний и внешний контексты сводят к нулю значение этих параллелей [6, p. 1].

Более всего общих черт исследователь усматривает в истоках процесса обретения государственности. Ее оформлению в обоих случаях предшествует «коллапс империи», совпавший с внутренней готовностью балтийских стран к независимости. Важнейшее отличие состоит в причинах дезинтеграции империй: в первом случае это произошло в ходе мировой войны, во втором — в результате системного экономического кризиса. В позднеимперской России все балтийские государства приобрели некоторый опыт национальных движений (в Литве процесс русификации был интенсивнее, а царская культурная политика — жестче, чем в Латвии и Эстонии) [ibid., p. 2].

Сходства, выделенные Рауном как основания национального движения, таковы: быстрый поворот общественного мнения от идеи автономии в составе России к идее полной независимости (в этой оценке Раун расходится с А. Ливеном); присутствие на территории Литвы иностранных вооруженных сил; двусмысленная позиция Запада по отношению к независимости государств Балтии. Определены также различия: роль исторической памяти о первом периоде независимости во втором (в годы гласности в балтийских государствах шла уже борьба за восстановление государственности [ibid., p. 6]); возросший уровень внутрибалтийской интеграции (тесное сотрудничество национальных движений трех государств с 1988 г.), ведущая роль интеллигенции в процессе перемен и ненасильственный характер сопротивления, ставка на который объясняется отсутствием как глубоко укоренившихся исторических антагонизмов между балтийскими народами и относительно недавними мигрантами, так и традиции насилия в балтийской политической культуре. Сторонники независимости под влиянием примера польской «Солидарности» осознали, что в условиях диспаритета сил вооруженная борьба будет контрпродуктивной и не получит сочувствия со стороны Запада [ibid., p. 7].

Вызовы, с которыми столкнулись балтийские страны в эти два периода, также схожи: значительные экономические трудности; недостаток практического опыта демократии у политиков; необходимость противостоять России — «главной геополитической константе» в новейшей истории этих стран [ibid., p. 1]. Отличия заключаются в присутствии большого по количеству «небалтийского» населения (в результате недавней иммиграции); психологическом наследии советского времени; наконец, более благоприятном международном климате для развития балтийской государственности (в перспективе европейской интеграции).

Сравнение двух периодов приводит Т. Рауна к выводу о том, что будущее балтийских государств имеет теперь более широкие перспективы, чем семью десятилетиями ранее. Важнейший фактор обеспечения суверенитета — международная кооперация, интеграция государств Балтии в транснациональные структуры. Парадокс, по Т. Рауну, состоит в том, что последние полвека не только оставили след советского режима в государствах Балтии, но и сделали их друг к другу ближе, чем прежде. Этот факт, как и ненасильственный характер борьбы за независимость, вселяет в исследователя надежду на то, что «рациональность сможет превалировать по крайней мере в некоторых регионах постсоветского мира» [ibid., p. 11].

На смену сопоставлению двух бурных периодов постепенно приходит постановка новых проблем. Это можно проследить по коллективной монографии «Балтийские государства после Независимости» (1996 г.), авторы которой (под руководством Оле Нёргора) рассматривают различные аспекты реконструкции демократии, осуществляемой в странах Балтии: развитие политического плюрализма (партийная система), становление политической культуры, перемены в экономике, эскалация межэтнических конфликтов. Во многом эти аналитики сле-

дуют в фарватере выводов А. Ливена. Характеризуя первое завоевание независимости Литвой, авторы подчеркивают те же факторы: внешний контекст (коллапс Германской и Российской империй); осложнение отношений в связи с претензиями Польши на Вильнюс и последовавшей за ними задержкой признания Литвы Западом; специфику сложившейся среди каунасской элиты установки по отношению к мультикультурности и т.д. [5, p. 44].

Обращаясь к теме национальной идентичности, исследователи выделяют Литву в ряду балтийских стран: помимо особой роли католической церкви ее отличает также многовековой опыт государственности. Последний парадоксальным образом интерпретируется как фактор одновременно и силы и слабости (неоднозначно трактуется польское влияние) [ibid., p. 52]. С другой стороны, литовский пример наглядно показывает, насколько идея борьбы за воссоздание независимого государства укоренена в коллективной памяти («средневековая слава функционирует как средство легитимации, особенно для националистических правых политических сил») [ibid., p. 59].

Новые проблемы, которые обсуждаются в этой работе, — роль авторитарного наследства советского времени в современной политической культуре стран Балтии, перспективы модернизации инфраструктуры экономики и правовые механизмы урегулирования положения русскоязычного населения. «Как бы то ни было, более широкая включенность литовского государства в общество, чем в двух других странах, может в долгосрочной перспективе обеспечить предпосылки для разработки ясной и осуществимой экономической стратегии. Во всяком случае для достижения этой цели Литве нужно улучшить техническую мощь и эффективность управления государственной администрации. В настоящее время это неотложная задача, стоящая перед всеми тремя балтийскими государствами» [ibid., p. 225].

Даже поверхностный взгляд на англо-американскую историографию первой половины 1990-х гг. позволяет убедиться в том, что применявшие компаративный анализ исследователи в целом были свободны от догматизма, отдавали себе отчет как в неоднозначности советского опыта, так и во внутренних противоречиях литовской национально ориентированной элиты. Сравнение двух периодов литовской борьбы за независимость показало свою продуктивность, выявив сильные и слабые стороны национального движения, а также обозначив перспективы дальнейшего исследования в конце 1990—2000-х гг. Лейтмотивом этих работ могли бы стать слова Александры Эшборн, защитившей в 1997 г. в Сент-Эндрюсском университете диссертацию «Литва: возрождение нации, 1991—1994»: «Множество сходств существует между прелюдией независимости в 1918 году и прелюдией независимости в 1990 г., особенно в том, что касается позиции литовского народа и его решимости отвоевать свою свободу» [1, p. 1].

Статья подготовлена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», соглашение № 14.А18.21.0490.

Список источников и литературы

1. *Ashbourne A.* Lithuania: the rebirth of a nation, 1991 – 1994. Lanham, 1999.
2. *Espiritu A. A.* Lithuania: from mobilization to revolution, 1988 – 90: thesis (MA) / University of Alberta. Alberta, 1992.
3. *Klimas T.* A comparison of the struggles for independence of the United States and Lithuania // *Lituanus*. 1993. Vol. 39, №3. URL: http://www.lituanus.org/1993_3/93_3_01.htm (дата обращения: 01.03.2013).
4. *Lieven A.* The Baltic revolution. Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence. New Haven ; L., 1994.
5. *Nørgaard O. et al.* The Baltic States after independence. Cheltenham ; Lyme, 1997.
6. *Raun T. V.* Baltic independence, 1917 – 1920 and 1988 – 1994: comparative perspectives. Indiana University, 1994. URL: <http://www.ucis.pitt.edu/nceeer/1994-808-12-Raun.pdf> (дата обращения: 01.03.2013).
7. *Senn A. E.* Lithuania awakening. Berkeley, 1990.
8. *Senn A. E.* Comparing the circumstances of Lithuanian independence, 1918 – 1922 and 1988 – 1992 // *Journal of Baltic studies*. 1994. Vol. 25, №2. P. 123 – 130.

152

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.
E-mail: IDementev@kantiana.ru

About the author

Dr Ilya Dementev, Ass. Prof., Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.
E-mail: IDementev@kantiana.ru